

ДОКУМЕНТАЛЬНІ ДЖЕРЕЛА

ЦЫГАНСКАЯ ДОРОГА ВОСПОМИНАНИЯ ИВАНА КОРСУНА

Иван Сергеевич Корсун (1935–2007) – человек яркой биографии. Сын репрессированного цыгана. В детстве – узник нацистского лагеря на территории оккупированной Украины. После войны Ваня Корсун кочевал с табором, менял лошадей. Затем учился на строителя, служил в армии, занимался профессиональным спортом. Наконец, стал артистом цыганской эстрады. С ранней юности Иван Сергеевич записывал наиболее интересные события, вряд ли задумываясь, что эти дневники станут со временем историческим источником.

Каждый человек – носитель уникального опыта. Однако у цыган бывшего СССР традиция писать мемуары так и не возникла. Исключениями являются книги В. Бамбулы, И. Ром-Лебедева, О. Деметер-Чарской и О. Петровича¹. Тем более ценной представляется возможность увидеть цыганский мир глазами самих цыган. Свои воспоминания Иван Корсун большей частью записал собственноручно, а некоторые эпизоды надиктовал. К сожалению, смерть прервала эту работу, и до сих пор часть текстов недоступна для публикации. Бумаги, находящиеся в моем распоряжении, очень неоднородны. Частично это

¹ *Бамбула В.* Цыганська доля – що вітер в полі: Нерідні діти світу. – Переяслав-Хмельницький: Видавництво «СПД Карпук С.В.», 2005. – 190 с.; *Деметер-Чарская О.* Судьба цыганки. – М.: Издатель А.А. Можаяев, 2003. – 109 с.; *Петрович О.* (Мурша ле Ристаско ай ла Ленако). Бароны табэра сапоррони. – СПб.: Анима, 2007. – 536 с.; *Ром-Лебедев И.* От цыганского хора к театру «Ро-мэн». – М.: Искусство, 1990. – 265 с.

ученические тетради, частично разрозненные листы. Порой из-за недостатка писчей бумаги автор использовал даже случайно попавшие в его руки бухгалтерские бланки. Бывает так, что собственный текст Ивана Сергеевича вплетён между печатных строк. Несколько фрагментов воспоминаний были присланы мне по почте из больницы (из которой пожилому цыгану уже не было суждено выйти). После размышлений я отказался от дословного воспроизведения рукописей. Проблемы с грамотностью и тому подобные изъяны препятствуют читательскому восприятию. Исходя из этого, я вынужден был предпринять некоторую редактуру, принципы которой таковы: мною были расставлены знаки препинания и исправлены грамматические ошибки, в то же время простонародные искажения некоторых слов правке не подвергались. Для Ивана Сергеевича были характерны частые возвращения к одним и тем же событиям. Естественно, в одних вариантах имеются подробности, не отражённые в других. Отмечу при этом, что случаев диаметрально противоположного описания событий или их оценки автором в различных фрагментах не встречалось. Поэтому я применял комбинирование деталей из разных отрывков текста исключительно для представления наиболее полного описания того или иного сюжета. Заголовки глав даны мною.

Отец

По паспорту я родился в 1937 году. Но мой крёстный говорил, что когда отца забрали (а меня крестили), мне было три года. Звали крёстного Пётр Макарьевич. Он работал механиком на военном эродроме под Псковом. Он был человеком грамотным и вряд ли напутал.

То есть получается, что на самом деле я старше на два года. Ведь отца арестовали в 1938-м¹.

Отец мой родился на Украине. Прежде наша фамилия писалась Консун, а не Корсун. Он с 1912 года. Семья была богатой. Когда мой отец женился, то работал шофёром в белорусском городе Добруш. Его ценили, потому что он был честным и исполнительным². Прикрепили

Сергей Иванович Консун.

к нему для обучения парнишку-стажёра. И всё бы хорошо – но сосед наш был милиционером. Стал он с приятелем настаивать, чтобы отец ездил не только по путёвкам. Хотели, чтобы он делал для них левые рейсы. А отец «химичить» боялся. Отказал им наотрез. Короче, эти друзья написали со зла донос. Ночью отца забрали, а на следующий день «тройка» дала ему пять лет... Так и получилось, что всё детство я провёл без него. Мама увезла меня в табор, и в начале войны мы кочевали. А

отец своё отсидел – но с Колымы смог выбраться только в 1951 году³.

Когда я подросток и вошёл в силу, то пытался найти доносчиков. Но один умер, а другой видно чего-то опасался и дважды менял фамилию. Так я и не смог им отомстить за то, что отца репрессировали⁴.

Дед

В Житомире у меня похоронены родственники. Там лежит мой дед по прозвищу Боняк. В 1957 году он лежал в житомирской больнице с ногой. Всё ругал советскую власть. Ему говорили: «Не надо», а он все твердил своё. Я, мол, при царском режиме жил хорошо, свои магазины держал, лошадьми торговал.

Он хорошо говорил на еврите⁵: мягко, чётко. И польский, и немецкий знал. И французский потому что в царское время общался с разными людьми по торговле⁶.

Всё это мне подтвердил в 1961 году в Житомире старый еврей, который торговал шнурками и кремом для обуви. У него недалеко от площади стояла будка. Мы, цыгане, проходили мимо и говорили на своём языке. Он услышал и нас позвал:

– *Чавалэ, явэн кэ мэ!**

Мы обернулись, и он рукой поманил нас к себе. Первое, с чего он начал: «Я услышал ваш разговор по-цыгански и решил вас спросить, хоть вы и молоды. Я ведь раньше знал цыган многих. А особенно цыгана по прозвищу Боняк Мильянович».

Я сказал: «Это мой дед».

И тут дядечка посветлел в лице и стал рассказывать:

– Да ведь этот самый Боняк Мильянович нашим зятем был. Смолоду он был красив и подвижен. Знал уже языки. Мы тогда тоже торговали. Все было. Базы. Переезды через границу. Были у нас усадьбы, работники. Он стал моим зятем. За него вышла моя младшая сестра. Ей в ту пору лет 17 было. Очень красивая. А уже в 18 лет родила мальчика. И никто не был против, что цыган женился на евреечке⁷.

У них был свой дом, хорошие конюшни, работники. Но произошла революция. Разруха. Многие подались в Польшу к своим знакомым, с которыми шли торги...

Я выслушал рассказ. Сам я бабушку-еврейку не помню. Знаю, что она погибла вместе со всеми евреями Житомира. Её выдали полицаи, когда она спасала ребят, которых выискивали повсюду.

Отец искал её, вернувшись с Колымы в 1951 году. Но нашел он от того родства только материного двоюродного брата – еврея. Тот всё и рассказал. Говорили они на еврите⁸, и я тот разговор слышал.

Война

Мама моя, Александра Фёдоровна Козловская, была на два года младше отца. После того, как его посадили, она снова стала кочевать. Так что моё раннее детство прошло в таборе. Хорошо помню, что наши цыгане меняли лошадей, а женщины гадали и просили по

---

* Ребята, подойдите ко мне (*цыг.*).

дворам. Цыганки ходили с торбой и с палкой, чтобы отгонять собак. А то порвут юбку или покусают за босые ноги.

Помню эту жизнь. Картинка перед глазами... Самовары кипят у каждого шатра. Кто-то готовит ужин. Слышны разговоры цыганок. Они рассказывают, в какие деревни ходили гадать. Говорят, что бабы просили опять прийти. Раздаётся музыка баяна. А в другом шатре отец показывает детям, как играть на гитаре. Некоторые собаки рвутся на привязи у телег и лают, потому что их пора кормить. А кто пошёл ловить рыбу на речку. Двое ребят моют лошадей ниже по течению...

***

Как началась война – в таборах цыган (особенно кочующих в дальних деревнях) точно не знали. Если кто мог знать, то понаслышке – что и как происходит.

Было так, что военкомы и врачи заезжали в табора и выбирали молодёжь только на вид и визическо⁹ внешность, потому что не было у них справок о рождении. Многие попали на призыв, никто не убежал и не прятался. Писали врачи, что этот юноша будет с такого-то года и сейчас ему столько-то лет. Хотя цыганки и старики переживали... И молодых мужей тоже забирали. Плакали в семьях и приговаривали матеря:

– Милый наш начальник, ты уж не обижай – ведь он ещё неграмотный, глупый, кроме как лошадей он ничего не знает.

Отвечает начальник: «Вот и хорошо. Нам специалисты по лошадям очень нужны. И вы не беспокойтесь. Даст бог, он вернётся в ваш табора опять».

Матеря отвечали: «Родной ты наш – посмотри за ним!»

Тут командир отвечал: «Не беспокойтесь, ведь у нас хорошие командиры, они его ко всему научат... Служба его будет вместе со многими солдатами. Все будут защищать свою страну. Все национальности...»¹⁰.

***

Сейчас будет разговор, как цыгане попадали к немцам в плен и их расстреливали¹¹. Они шли в город, потому что там есть возможность

гадать, продать, купить, поменять... Ведь никто не знал, что немцы будут так зверски себя вести. Этого и украинцы не знали – простые бабы и мужики.

Цыгане останавливались вблизи города и попадались к немцам, не знаячи их злодейства. Наш табор остановился возле Новоград-Волынска. И в один страшный день цыгане сели на подводы и поехали в город. Около двадцати повозок выехали, а у шатров оставались старики и дети. Бабки смотрели за всем.

Как только въехали на площадь, цыган сразу схватили. Старший офицер стал расспрашивать, где остальные.

– Наш табор в лесу, мы приехали на базар.

Немец громко говорит: «Сдать всех лошадей! Мы вас допросим, а потом поедем в лес и посмотрим, кто у вас там остался».

Один из цыган почуял неладное. Он велел мальчику: «Сынок, распряги лошадь и тихо уежь к шатрам. Скажи, чтобы бросали всё и спасались в лес». Народу на площади было много, и немцы не сразу заметили, как мальчишка подошёл к телеге. Он распряг лошадь и уже сажился верхом. Но какой-то полицай крикнул: «Стой, ты куда?»

Миша сказал: «Я только хотел её напоить. Это наша лошадь».

Всё это видела девочка местная, Оля. Ей тогда было 14. И она решила предупредить стариков вместо этого мальчишки. О том, что дальше было, она сама мне рассказала уже в 1952 году. Тогда наш табор снова стоял возле Новоград-Волынского. Мы пошли купаться на речку. Недалеко было песчаное место. Там мы увидели плавающую русскую девушку и спросили: «Какое дно? Чистое ли?» Она плавала хорошо. Сказала: «Не бойтесь». С нами были девочки из табора. Они стали купаться прямо в широких юбках и кофтах, ну а мы в штанах и рубахах¹². Девушка засмеялась над нами... Ну пошёл разговор. Знакомство. Она и стала говорить: «Я цыган очень уважаю. Они даже лучше наших людей некоторых». И вот рассказала, как во время войны предупредила стариков.

После того, как мальчика задержали, она первая успела к палаткам и крикнула:

– Берите детей и спасайтесь! Немцы ваших всех забрали! Быстрой, быстрой. Не мешкайте!

А издали уже доносился шум мотоциклов.

– Уже едут! Бегите! И я с вами – а то и меня заберут!

Тут бабки взяли ходячих за руку, а уж маленьких на руки и быстро стали уходить. А самые старые остались возле шатров сторожить добро. Уговаривать их было некогда. Городская окраина была всего в 2 километрах – немцы появились очень быстро. Сожгли палатки. Стариков со старухами посадили на телеги, отвезли к ближнему рву (где брали песок) и там расстреляли¹³.

Одарка Чернявская. 1963 г.

Тех, кого схватили в городе, перевезли в посёлок Мельчинск. Оттуда нас всех отправили в трудовой лагерь. Там были бараки, сараи, стояли вышки с часовыми. И были собаки. В этот лагерь попало много цыганских семей: Лещинские, Марковские, Чернявские, а ещё Вербицкие и Марцинкевичи.

В лагере было много национальностей. Зимой люди расчищали дороги от снега, а летом возили песок из карьера для ремонта дорог.

***

Одарка Чернявская спасла меня в лагере, когда меня избили и бросили в сарай. Они допытывались, как я ухитрился бежать в первый раз, а я кричал, что за едой утёк незаметно, когда ехали дорогу заравнивать песком. Бабка Одарка увидела, как меня швыряли и били надзиратели. Она быстро подошла к сараю и стала уговаривать, чтоб не убивали.

Выбрала одного, которого знала в мирное время. Раньше она была в его доме, гадала его жене и лечила его ребёнка. Бабка стала рассказывать полицаям об его семье, напустила страху, что может

наколдовать. Надзиратель опешил, и меня выпустили. А бабка наказала ему, чтобы принёс хлеб и масло. Он стал нас подкармливать, хотя напоказ всё время орал, а иногда даже делал вид, что бьёт, когда гонит работать.

Лагерь постоянно пополнялся цыганами. Находили их агенты из националистов: украинских и польских. И по окончании войны не все они бежали. Многие остались на Западной Украине.

***

Однажды под вечер привели женщину избитую, растрёпанную, с потёками крови и швырнули на пол в барак. На ней была изорвана кофта, синяки на руках и плечах, лицо заплыло... Оказалось – это гадалка, которую схватили в деревне. Стали её допрашивать, и она сказала: «Да, я гадаю. Ну и что? Ваш Гитлер до сих пор живёт только потому, что ему кто-то нагадал». За эти слова её и побили до полусмерти.

Вечером в бараке долго обсуждали, могло ли быть так, как она сказала? Решили, что все хотят узнать свою судьбу. Почему Гитлер не мог у кого-то гадать?

***

Полицаи стали проговариваться, что цыган расстреляют, как только они доделают дорогу для прохода тяжёлых машин. «Вам остались считанные дни». У какой-то девушки не выдержали нервы, и она крикнула: «Изверги! Сколько людей уже убили! Нас не будет, но и вы спокойно спать не будете! Всю жизнь вас будут ловить. Кусок в горло не полезет!».

– Замолчи, сука цыганская, – заорал полицай и ударил её по голове прикладом. Удар прошёл вскользь, но бровь он ей рассёк, и кровь залила глаза. Тут не стерпели остальные цыганки. Они вцепились в полицая. Надзиратель сумел вывернуться и выстрелил в потолок для острастки.

Все расступились, затихли. Только Одарка, мать Ганны Чернявской, сказала: «Нас расстреляют. Но эту нацию нам дал Бог, с ней мы и

умрём. А ты знай – среди цыган нет предателей вроде вас. Вы все за богатством погнались, а наше богатство – это запряжённая лошадь и когда дети играют у палатки».

Тут он сказал: «Мне приказывают – я выполняю».

Одарка тут же ответила: «А ты что – дурак? все приказы выполнять, если не видят твои приказчики? Ты же можешь вести себя снисходительно к людям. Побойся Бога».

Тогда полицией обвёл глазами женщин и детей. Перекрестился медленно. Он потом сбежал со службы. Но вначале устроил побег мальчишке Коле Чернявскому.

Через несколько дней после побега, цыгане решили рискнуть. Дело было летом. Конвой во время дорожных работ был слабый. Поэтому, усаживаясь на подводы, цыгане заранее договорились, что будут делать. Хотели разом развернуться и гнать в сторону речки. Так и сделали. Когда лагерь оказался уже далеко за спиной, мужчины хлестнули по лошадям. Полицаи опомнились и начали стрелять только тогда, когда первые телеги уже въехали в воду. Грохот стрельбы напугал лошадей. В суматохе они заметались, и часть повозок опрокинулась. У Ганны Чернявской из рук выпал маленький Ваня Чокан и чуть не утонул. Однако, его подхватила цыганка Александра. Кто-то был ранен. Началась паника. Вероятно, многих бы убило, но неожиданно с другого берега раздались выстрелы. Это партизанский дозор начал обстреливать из кустов охрану. Перестрелка позволила цыганам пересечь реку. Часть лошадей повернула назад и потащила пустые телеги обратно в лагерь.

Под защитой партизан мы ушли подальше от Барановки¹⁴. Потом разбрелись – кто куда. А Коля Чернявский так и остался с партизанами.

***

После того, как мы бежали из лагеря, многие цыгане разошлись по своему усмотрению, а несколько семей осталось с партизанами. Когда мы там были, то шли совещания и наказания командира. Мы, пацаны, бегали и любопытствовали всем, что было в лесу. А кто постарше и знал местность – ходили в разведку посмотреть издали на немцев. Они легко узнавали полицаев – кто откуда и из какого села. Ведь когда кочевали

Ваня Корсун с матерью вскоре после освобождения из лагеря. 1944 г.

ва должна быть как у деревенских мальчишек. Те ходили плохо стриженные, и волос у них торчал чубарем или хохолем. А если у цыганёнка волос крутился, то его замазывали глиной, и так выпрямляли. Издали и не заметно. Казалось, что мальчик просто гуляет и грязный ходит. А как окажется в деревне, то подходит к бабке – вроде ищу кого... Полицая их не замечали. Мальчишка внимания не привлекает. Так они и узнавали где склад или где немцы стоят¹⁶.

по Украине, то знали многих людей – кто жил в какой деревне. Мы легко вычисляли полицаев. Многие были из Западной Украины. Цыгане и раньше с ними сталкивались. Даже до драк. Ещё до войны мы знали их повадки и характер (далеко не душевный)¹⁵. Поэтому, будучи в партизанах, девушки и мальчишки ходили в разведку. Бег у них был быстрый. И в лесу интриговались хорошо. И не могли заблудиться. Смотрели, откуда птицы летят, и как деревья растут. Много есть примет.

Дети, которые ходили разведывать – они должны быть с белым лицом. И голо-

***

В конце войны моя мама освободилась из лагеря в Белоруссии. А я был на Украине – цыгане это знали. Она начала меня искать. Ведь специально передавалось по цыганам, если кто кого увидит¹⁷. Она стала сообщать через проезжие таборы, где она сейчас. И встретились мы в городе Спирово Калининской области.

Есть фотография, где мы сняты вместе. Маме там всего 30. Но она была измучена, как-то враз постарела. Нашёлся я в апреле, а уже в начале мая она умерла. Я снят с книгами под мышкой. Я уже умел тогда читать. Меня научили знающие цыгане и русские друзья.

***

День победы мы всегда будем помнить, сколько бы ни прошло лет. Какая была радость неописуемая! Это надо было видеть! Радость стариков, молодёжи и тех, кто только начал ходить в школу.

Стали разбирать развалины. Кирпичи собирали для строительства. Работали тогда без усталости, не считая часов. Цыгане тоже участвовали в строительстве городов, где временно проживали. На Украине в Коростене молодая цыганочка Марковская Тамара – хоть и стыдно ей было от табора – но она пошла на стройку и работала очень хорошо. Даже грамоту ей дали от строительного треста за добросовестное выполнение плана по сдаче жилых домов.

***

Меня забрали родственники в город Торжок и оттуда уже на Псков. Вот там в лесу и была первая послевоенная свадьба. В июне сорок пятого года. Рядом в лесу остались орудия после боя. Там было всего полно. Блиндажи, ящики из-под снарядов, гильзы, каски, термосы немецкие, сапоги с короткими голенищами... В разбитых окопах лежали плохо засыпанные тела немцев. Уже сухие, но подойти нельзя. Запах ещё оставался. Шатры наши стояли ближе к дороге, где рос кустарник. Развели костры. А в земле лежали патроны. Как земля прогорела –

пошли взрывы. Стрельба! Все стали разбегаться. Хватали детей и – кто в лес, а кто в сторону дороги.

Как успокоилось – сделали столы. На бутылках красные банты. Молодых отвели в особый шатёр под полог. А бабки сидели рядом и слушали, как молодая кричит: «Ой! Ой!».

А он никак не мог. Ей 26 лет, а ему 18. Ему не справиться. Ну, бабки подсказывают: «Отдохни! Отдохни!». А ей кричали: мол, помогай ему. Ты же старшая, а он не знает, как и что. Мы бегали и подслушивали. За столом ждали невесту и её рубашку с красным пятном. Когда вынесут рубашку – все танцуют и поют. Поздравляют мать и отца, что у них такая хорошая дочь. Тут многое можно описывать. Например, как приглашали попа из церкви, и он благословлял молодых. Церковь была разбита и не восстановлена ещё после бомбёжки.

Школа

Когда я в Латвию попал на зиму, то жил в городе Валка, Песочная улица 14. Это был дом частный в виде барака. И вот к нам с ГорОНО¹⁸ приходила комиссия. Всех цыганских детей записали и выделили государственную помощь¹⁹.

Стал я ходить в первый класс. За партой сидел вместе с еврейским мальчиком, и мы всегда помогали друг другу – писать, читать по-немецки... Я всегда любил евреев и часто вступал в драку за них. Были у меня солдатские кожаные ботинки. Они были мне велики. Так я их спереди молотком приплющил и на два гвоздя забил. Ноги у меня высоко взлетали – бил как хотел. А возраста тогда не спрашивали. Дрался я с 15-летними и даже старше. Руки у меня были сильные. Ведь когда кочевал, было много визической работы. Где бы ты ни жил, всегда – дрова, вёдра с коромыслом...

Меня как сироту в школе кормили на большой переменке. Я этот суп до сих пор помню. Он был почему-то зелёным, жидким – и картошку не поймать было в нём. Но я тогда выбегал на улицу и искал кого побогаче. Кто принёс с собой белый хлеб – большие куски от круглого каравая с толстым слоем масла. Я подходил и говорил: «Хватит тебе! Поделись-ка!». Если кто не хотел делиться, я быстро бил в зубы кулаком и приговаривал:

– У вас своё масло и хлеб. Вам с богатых хуторов привозят.

А у них в Латвии тогда было по 200 свиной, стадо коров, картошка, пшеница, работники. Было своё мясо, масло, сливки. Но богатые дети жадничали.

Я многих приучил, чтобы носили еду мне, девочкам и моему товарищу-еврею. А один не хотел. Он был старше меня и здоровый. Так я затащил его в класс и надавал ему как следует. Потом начался урок. Я его загнал под парту и приказал сидеть тихо. Он и сидел тихо. Но учительница заметила. Я ей говорю:

– Это пришёл к нам один с другого класса, посидеть и послушать ваш урок.

Меня не выдали. Ведь я заставлял ребят, у которых было всё, чтобы они в большую перемену делились принесённым. У многих мальчиков и девочек не было родителей. Бедновато жили.

Учительница поставила меня в угол, а парню сказала: «Если захочешь быть на уроке, то должен спросить разрешения в своём классе». Он пошёл, а мне пригрозил кулаком. А я ему рукой показал, что он снова будет в ногах под партой сидеть.

Через два дня он собрал на меня ребят. Мы с приятелем шли через мост. Смотрим – латыши спереди. Пятеро. Оглянулся назад – и сзади шестеро. Чтобы назад не бежали... Ну я накрутил полевую сумку с книгами на руку, а парню говорю: «Держись чуть позади, чтобы тебя не ударили». Когда расстояние уже сократилось, я стал наносить удары ногами и сумкой. Они подались в стороны. Заохали от боли. Мы с товарищем пробежали через них. Те – задние – рванулись на выручку, но не успели. Мы пробежали мимо плотного дощатого забора и завернули за угол. Тут послышались выстрелы из обрезов, но пули в нас не попали. Просвистели мимо.

Это были здоровые сытые латышские парни.

Дома я не сказал ничего. Собрал русских ребят и уже к вечеру мы нашли, кто сделал нападение. С той стороны собрались латыши и эстонцы с обрезам. И мы – кто с чем... Как пошла стрельба! Приехали солдаты на машинах и стали ловить. Но нас не забрали. Мы объяснили, что они с обрезам и стреляли первыми. Их потом КГБ вылавливал. Многие были с хуторов. Агрессивные, связанные с бендерами²⁰. Нам объяснили, что это не Россия. Надо быть осторожными и бдительными, чтобы вас (то есть нас) втихую не убили. Но я продо-

лжал ходить в первый класс и приучил-таки носить белый хлеб с маслом для тех, кто победнее. Я говорил: «У тебя есть, а вот у них нет». Я ещё не отошёл после лагеря и от полицейских побоев, но пришлось быть взрослым. Хотя годами был ещё малыш. Кожа на кулаке была рассечена об чужие зубы.

В школе мне выдали лапти эстонские кожаные на завязках. А ещё как сироте дали пальто, брюки и шапку. Но по весне, когда стало теплее, я уехал на Украину – меня забрала тётка.

Послевоенное кочевье

И снова пошла кочевая жизнь с разными препятствиями. Были банды, которые работали под цыган. Что-то украдут, а свой человек говорит, как будто он сам видел – это, мол, табор проезжал. Тогда местные жители нападали на цыган с драками, не разобравшись... Мы подъезжали к сельсовету и объясняли, что во время кражи табор был в другом районе. Милиция начинала расследовать, и все убеждались, что это совершили не цыгане, а лесные бендеры (чтобы замаскировку делать). Многих поймали. И они признались, что хотели переложить на цыган и воровство и убийство. Время было опасное. Если где останавливались, то недалеко от города. Искали, где есть речка, лес.

*Товарищи И. Корсуна по лагерю
и кочевому табору.
Справа Ваня Чокан. 1956 г.*

***

Наш табор ехал по Україні. На обочині одної із дорог телеги порівнялись с підбитими танками. Було видно, що на цьому місці проходив сильний бій. Броня була разворочена снарядами, земля изрыта воронками. Старики велели остановиться. Цыгане молча смотрели на эту ржавую технику. «Представляете себе, сколько здесь наших побитых?» – сказал один дед. Потом он добавил: «Распрягайте лошадей. Давайте помянем этих солдат».

До самого вечера наши цыгане пили горилку. Все были серьёзные и притихшие. Они глядели на пробоины в танковых башнях и на осколки, рассыпанные среди травы. Цыгане пили «за *гаджен*»²¹...

***

После того, как кончилась война, мы передвигались по разным городам. В Херсоне мы палатки ставили в центре города в небольшом парке. Неподалёку был базар городской, а справа барахоловка, где покупали и перепродавали вещи. В общем, спекуляция такая. Но главное – что ни милиция, ни городские власти не гнали и не мешали нам там находиться. Горели костры. Подходили разные люди. Были и урки, и шпана, и воры – они недалеко от шатров ночевали. Но цыган никогда не трогали. Наоборот, если надо заступались. И где становились табором цыгане, там местные воровать прекращали. Новость сразу облетала по всем ворами и разбоями, и воровства не происходило из уважения к кочующим цыганам... Но долго табор не стоял. Самое большее – неделю. А кто хотел жить на Украине, власти давали временное жильё.

Воры и разного стиля шпана приходили к шатрам и расспрашивали о своих знакомых. Разговаривали, кто с кем сидел. В тюрьме цыгане делились передачами с воли, и к ним было хорошее отношение. Если кто выходил из лагеря, то сразу шёл в табор или искал, где живёт отдельная цыганская семья. Цыгане всегда делились и одеждой и деньгами (если продали что на базаре или с гадания). Так и жили все вместе, пока он не окрепнет здоровьем. Кормились одним куском хлеба и цыгане оказывали помощь, чтобы найти семью. В зонах

знали, что делается на воле. Многие писали письма друзьям в лагерь и тюрьму.

***

В Киеве есть мост большой через Днепр. На берегу рослый кустарник – наверное, лоза. Табор разместился на берегу. И кто ехал через мост, сразу видел шатры и костры.

Я пошёл смотреть город. Киев ведь красивый был, хоть и разрушен. Но интересно было смотреть на его каштаны и на церкви. Люди разбирали завалы, строили. Я так засмотрелся, езда по городу, что заблудился и забыл иринтир откуда ехал. Стал в автобусе расспрашивать – дескать, я цыган, и наш табор стоит недалеко. С моста видно. И все люди загомонили, что тебе не в ту сторону. Вот сойдёшь на следующей остановке и пересядешь на другой номер. Он до конца тебя довезёт, а там пешком пройдёшь и увидишь табор. Женщины стали спрашивать, гадают ли у нас цыганки и можно ли к ним прийти. Я ответил: «Гадают. Даже хорошо. Но через два дня мы уже уедем. Приходите, ещё успеете». Тут одна бабка говорит:

– Слышите, что мальчик сказал? Скоро уедут!

И все стали обсуждать, как лучше добраться до табора. А я доехал до остановки, сошёл и собрался переходить на другую сторону. И тут я увидел парня рядом. Он вместе со мной сошёл и представился:

– Я Николай, а ты Ваня. Как ты уходил – меня за тобой послали ваши женщины и старик. Одели чисто и деньги дали, чтобы я присматривал. Ты увлёкся и меня не замечал. Видишь – вечер уже. А ты не ел ничего.

– Да, не ел, – ответил я. – Но я об этом забыл. У меня было волнение от войны и от того, что фашисты наделали. Даже есть не хотелось.

– Ну ладно, хватит рассуждать. Пойдём вон купим булку.

Он указал на магазин. Мы зашли, купили батон и разломали пополам. Быстро съели. Потом купили лимонад и выпили. Тут подошёл автобус нужного маршрута, и мы уже вечером добрались до шатров. Вот так кончились мои смотрины Киева после войны.

А одна семья осталась в Киеве. Они добились прописки и временного жилья. Было у них пять детей, и власти пошли навстречу.

Это семья моей двоюродной сестры Тани. Муж у неё был красивый – *кишинёвец*²² Павка. Потом им дали хорошую квартиру в пригороде...

Те женщины, которые спрашивали меня в автобусе, скоро пришли к шатрам гадать. Их много было. Одни радовались от хороших новостей, а другие плакали. Им уже пришли похоронки, и они просто хотели уточнить, правда ли – что погиб смертью храбрых. Гадание это подтвердило.

***

Потом я поехал с табором вглубь Украины. Новоград-Волынский, Винница, Ровно, Калинковичи.

В Ровно жило много поляков, и цыгане знали их язык. Если к порогу подойти, то надо обязательно креститься. Если знаешь молитвы, то скажут: «Проходи, проходи». И можно решить любой вопрос. Присмотревшись к вам, могут дать то, что вы просите.

Я как сейчас помню стоянку возле города Новоград-Волынский. Вдали были видны дома. Шатры раскинулись возле речки на берегу. Зелёная трава. Пасутся кони. Мальчишки подбегают к ним и проверяют, хорошо ли спутаны ноги. Трава сочная, и лошади не уходят с этого места, пока не съедят здесь всё. А уж потом перепрыгивают, приподнятая передние ноги (которые путем закручены). Далеко им не уйти.

Возле шатров горят костры. Крутится дымок. Там готовят ужин. И речка загуманивается пеленой. Какая красота, если смотреть на всё это издалека!

А в ушах уже другая красота. Это звук гитар и песни старых таборных цыганок. Ах, как они хорошо выводят мелодию! Потом подхватывает старый цыган. Песня так славно звучит на два голоса, что начинают подходить от других шатров. И кто эту песню знает, тот подстраивается под тональность. Настроение возвышенное. Вот уже и молодёжь подтянулась к костру, хлопая в ладоши и приговаривая:

– *Нэ-ка, бабо, давай, амари Настя джяла тэ кхэлэл**.

Сразу вступает другая песня. Танцевальная. «*Ту балвал*»²³. Чубатый парнишка выскакивает в круг, хлопая по коленям и по груди. Удар ногой в землю.

* Ну-ка, бабуля, наша Настя пойдёт плясать (*цыг.*).

– А ну, быстрее!

Все прихлопывают в ладоши, помогая ритму. Ноги парня так и летают над землёй. На середину выскакивает красивая девочка его возраста – лет четырнадцати – с красным бантом на голове. Она встала поближе и затрясла плечами, переступая в разные стороны. Потом вошла в пляску. Её босые ноги вытворяют трудные движения – да как быстро! Все засмотрелись на них и хвалят: «Какая красивая пара!» Тут парнишка втянул за руку в круг своего товарища. Девочка сразу вышла из танца, и её место заняла подруга. И вот уже танцует другая пара. А костёр весело трещит. Его пламя рвётся вверх и никому не мешает. Кажется, время остановилось. Все забыли свои трудности и то, что позади война.

Старая цыганка, которая сидела подальше от костра, стала протира́ть глаза концом своего платка. Её дочь взволнованно спросила:

– *Мама, со туса?**

Мать ответила: «*На, на, нисо. Нисо, да адыкэ*»**.

Дочь продолжала выпрашивать: «*Пхэн, пхэн мангэ*»***.

Но мать уже протёрла глаза и сделала вид, как будто ничего не случилось.

А пляска продолжалась. Мальчик и девочка танцевали.

Мать звали Нэля, а у её дочери было прозвище Гилы. Её так называли в честь песни, потому что она родилась, когда вот так же звучала песня у костра.

Я смотрел на пляску. Я и сам, будучи маленьким, хорошо танцевал и пел. А танец я наполовину узнал от Александра Ильинского, когда он приезжал после войны в табор в Печору. Это был лучший танцор, брат Вадима Козина. Он прошёл всю войну с агитбригадой.

Хоть я и смотрел на пляску, но заметил, что цыганка вытирала слёзы. Я подошёл поближе и слышал, как уговаривала её дочь:

– Не надо. *На трэби. На трэби тэ ровэс. Уже прогэнэ кицы бэриша*****.

Но она говорит:

---

* Мама, что с тобой? (*цыг.*).

** Нет, нет, ничего. Ничего, это так (*цыг.*).

*** Скажи, скажи мне (*цыг.*).

**** Не надо. Не надо плакать. Уже прошло сколько лет (*цыг.*).

– Не могу. Не могу забыть. Ведь так же танцевала твоя сестра. И девочка на неё так похожа! И ноги такие же быстрые... Волосы густые... Ой, ой, не могу!..

И зарыдала:

– За что же эта война? Откуда пришла? И кто её придумал, какой Анчискир²⁴?

Это она вспомнила день, когда немцы окружили цыган. Они побежали в лес прятаться в кустарники. Может быть, вся семья и спаслась бы, но бабушка упала, запутавшись в высокой траве. Нэлина дочка подбежала и стала её поднимать, приговаривая: «Вставай, вставай!». Тут немец ударил прикладом в голову. Бабуку сразу убил, а девочку схватил и потащил назад, к другим задержанным. К ночи всех расстреляли. Несколько цыган уже глубокой ночью вытащили изо рва девочку и унесли хоронить на деревенское кладбище. Было это под Ровно.

Но я не сразу узнал эту историю. Только через два дня мне её рассказали цыганки, помнившие то боевое время...

***

Ну а после пляски у костра собрались мужчины и вели разговор о менке. Сказали детям подвести коней поближе, чтобы их хорошо было видно. Дети подвели лошадей и опять их опутали. Мужчины сели на траву и стали делать оценки. Тут пошёл разговор с шумом.

– Ну, давай, бей! Ну!

Одному цыгану лошадь вроде понравилась. Он подошёл, провёл по ней рукой, посмотрел в зубы. Затем приподнял ногу и сказал: «Плохо подкована. Надо очистить копыта рашпилем, построгать ножом внутри, и новую подкову положить». Вернулся назад и обратился к хозяину:

– Ну, *морэ, грасны лачи**, но не *ухожено*. Давай мне придачу – и бьём по рукам!

Но хозяин не согласился.

– *Да ту со, морэ, савэ придачи? Мэ вылыдждава про тарго тася и бикнава-ла**.*

Сделка у них не состоялась, только распили две бутылки с разгово-

* Ну, приятель, кобыла хороша (*цыг.*).

** Да что ты, друг, какая придача? Я поеду завтра на рынок и продам её (*цыг.*).

рами наперебой. Я вернулся к шатрам и увидел, что собрались молодые ребята и устроили борьбу на поясах. Это когда одна рука держит ремень в брюках спереди, а вторая через плечо. Надо приподнять и повалить соперника, если есть сила. Кто проиграл, тот выходит, а кто победил, борется дальше. Мне попался высокий женатый парень. Он уже имел ребёнка в своей семье. Жена на него кричала, и мать тоже: «*Со кэрэс? Нанэ тукэ ладжаво чаворэнца тэ спхандэспэ?*»*.

Но он всё-таки борется со мной на поясах. Поднимает меня, но повалить не может. Я стою на ногах. Опять: крутил, крутил. Никак ему не положить меня на землю. Ну а я споднизу левой рукой хорошо захватил и когда он, нагнувшись, ниже стал – я со всей силы приподнял его и в сторону швырнул. Ремень оборвался в руках. Он растянулся на траве, и брюки сползли без ремня. Мать бросилась на него:

– *Дылыно мануш! Акэ со туса кэрдя чаворо. Дык, би-холовэнгиро ачкирдя тут!***

Он встал, схватился за штаны, и смех вокруг раздался. Весь народ подошёл уже смотреть из других шатров. А мне он порвал вышитую рубашку. Она у меня ещё долго была как память об этом таборе. Не могу точно вспомнить, какой был год. Сорок девятый или пятидесятый. А может, раньше. Ведь года не запоминали тогда цыгане. Сколько переездов! Сейчас Украина, а завтра Печоры!..

***

1951 год. Табор, кочующий по территории Украины. Часто в лесах происходили встречи с лесными хозяевами. А то и в глубинках деревень, где далеко от центральных городов. Проезжали летом среди поля спелой ржи по просёлочной дороге, которая вела с одной деревни к другой. Недалеко от края леса стояли пустые столбы, где когда-то были провода – а сейчас оборваны. И с табора, проезжавшего мимо, хорошо было видно, что на месте висящих проводов подвешен был человек – мужчина наполовину голый. И от тела висели со спины отрезаны словно ремни. Кожа обвисала, словно лямки от штанов...

---

* Что творишь? Не стыдно тебе с детьми связываться? (*цыг.*)

** Дурачина! Вот что с тобой мальчишка сделал. Смотри, без штанов остался (*цыг.*)

Человек стонал. Жив был, и солнце его пекло. Но видно он слышал, что кто-то едет и громко спрашивал пить. Мужчины цыганы соскочили с телег и бросились спасать, не замечая сразу, что кто-то мог их увидеть. Но вскоре как чуть приблизились – с лесу очередь из автомата. Пули просвистели чуть выше головы. На повозках женщины стали кричать и дети.

– Стойте, стойте! Не подходите! – сам висящий проговорил.

И вторая очередь по низу. Зметнулась пыль. Мужчины повернулись назад. Кони от выстрелов стали шарахаться и их сдерживали вожжами. И как только сели мужики – быстро рысью рванулись. И третья очередь немецких автоматов. Пули пробили колёса, и оттуда вылетели щепочки. И уж потом увидели, сколько дырок в деревянных спицах.

О ярмарках

Дальше поехали в Белоруссию. Цыгане многие там жили в домах. Перестали ездить и из-за бендеров оставались в городах... Вот и сейчас пишу и вспоминаю – крутится в мозгу. Словно наяву вижу дома, улицы, базары и фотографа на площади с рекламной доской. Под стеклом карточки. Цыгане часто у него фотографировались. А вот – вспомнил уже – город Бобруйск!

Жизнь цыган была – что говорить – просто на колёсах. В один месяц они бывали в разных районах. Например, на Украине знают, что будет ярмарка в городе Великие Луки. Они табором приезжали с Украины. После удачного обмена идут застолья, знакомства. Девушек сватают. Завязывается дружба.

Цыгане решали у костра, в какой район ехать, и сколько туда соберётся семей. А кроме табора на базар могли потом ехать и другие. Они всегда заезжали в деревню и расспрашивали:

– Не подскажете? Здесь не проезжали цыгане?

Им отвечали: «Да, проезжали на той неделе. За городом их шатры стоят возле речки».

Где табор – все знали. И по дыму костров, и по шуму песен. Бабы из города ходили туда гадать. А цыганки идут в город, гадают на базаре. Несут своим детям яйца, мясо, картошку, молоко, мёд. Народ только о них и говорит.

Вот, например, город Печора Псковской области. Там ярмарка конная состоится такого-то числа. И все цыгане знают, словно было сообщение по телеграфу. И уже с Украины едут туда. И с Белоруссии, и из России – с разных мест.

Не доезжая Печор, есть на краю леса станция. Лес густой, чистый. Табор из двадцати семей приехал пораньше с Украины. И вот как проводит время молодёжь. Выбирают свободный момент и играют в лапту с мячиком. Или в карты играют. В бб. Или кто в очко, или в козла.

Другие собираются у костра и рассказывают про старину и разные события. У другого костра поют, танцуют. Тут же молодой ворует девочку и бежит с ней в лес или в деревню. А потом приходят и решают по согласию свадьбу.

На ночь пасут лошадей и охраняют, чтобы не зашли куда далеко. А женщины чуть свет встают и пешком идут гадать в дальнюю деревню. Надо застать хозяев дома, а то они тоже рано уходят работать на поля.

Настал базарный день.

Рано утром от шатров потянулись уже запряжённые повозки, чуть слышно громяхая колёсами по просёлочным дорогам. Они нагоняют тех, кто в запас времени выехал раньше. Покрикивают на лошадь: «Но! Но! Пошла!» – и постёгивают кнутом. Лошадь прибавляет шаг.

По верхушкам травы серебром блестит роса или стелется дымка тумана. Изредка дунет ветерком, и прохлада охватывает сидящих на повозке, не давая им дремать. Они смотрят на дорогу, подмечая, где объехать рытвины и гадают, скоро ли город. А издали уже раздаётся шум базара и ржание лошадей. Здесь коровы, тёлки, поросята. Ярмарка встряхнула всех деревенских жителей. Собрались все вплоть до стариков и ребятишек. Очень много инвалидов без ног или на костылях с одной ногой. За ними ухаживали жёны и подростки. Это зарево мирной уже жизни. Мирный шум и запах скотины. Лошадиный пот после дальней дороги. Коням подвязывали мешочек с овсом, перед другими лежали охапки сена.

И вот ярмарка гремит, народу много. И с Литвы, и с Латвии, и с Эстонии привозят продавать скот. Здесь цыгане в большом заработке...

А потом ярмарка в Житомире. Сенный базар. Так же узнают цыгане – и снова шум, говор, выкрики, менки. Все заработали, все довольны – вот так!

***

После торговли – отдых. За столом решают важные вопросы. Это или о менке лошадей, или о переезде куда. Решают, куда ехать сватать. Или улаживают миром после того, как молодые сбежали. Спор надо улаживать без драки. Таборные цыгане – это законники. Они уважают порядок и обряды. Уважают церковные праздники и одеваются соответственно. На праздник достают нарядную рубашку и часы царские на цепочке. Кольца на пальцах. Хозяин должен знать, в каком виде показаться в кругу цыган. А потом идёт в церковь молиться.

В таборном цыгане уважали умственность. Как он войдёт в разговор, как решает загадки (они бывают очень каверзные). И если отвечает он с разбором, то все узнают, что этот цыган очень умён. И не возьмёшь его ничем, раз он хорошо разбирается в менке, продаже и покупке. И уже идёт о нём большая слава среди таборных цыган. Если он приезжает по делам, то устраивают достойную встречу ему и его семье.

Таборный цыган должен быть правдив с товарищами. Должен хорошо иринтироваться по звёздам, по деревьям. Узнавать время по солнцу. Хорошо разговаривать с людьми. Лечить лошадей. Принимать родившегося жеребёнка. Ковать лошадей и знать, когда летом отмачивать тележные колёса в речке. Принимать гостей у костра и уметь хорошо вести разговор. Знать прошлое цыган, и кто куда ездил. Не допускать воровства – а то падёт на других цыган.

Таборные девушки одеты чисто. На них широкие юбки и кофты с широкими рукавами. Серьги по вкусу и причёска тоже. Девочка не носит обязательно платок или косынку. А летом повязывает красный бант. Она послушна родителям, хорошо встречает гостей и сразу собирает стол. У некоторых был низенький столик – сантиметров 20 от земли. Ну а если не было, то накрывали на траве чистое покрывало. А уж затем скатер. Ещё на стол не собрали – но самовар уже стоит. У некоторых самовар всегда был горячим, и всегда в нём угли тлеют. Как понадобится – сразу сухие щепки подбросят и уже одевают трубу. Дым идёт от шатра в сторону. А на скатерти уже чашки, лепёшки, сахар кусочками и щипцы маленькие. Ими раскалывают сахар разного размера. И тут появляется

масло сливочное в серебряном приборе на тонких лапках, который напоминал словно птицу какую. Внутри – вода между стенок. Это царское изделие. Крышка круглая открывается, и масло под ней свежее. Ещё были серебряные ложечки с позолотой и ножик для масла.

Когда цыгане соберутся, в каждом шатре всегда есть про запас рюмка водки, чтобы при менке лошадей отметить сделку.

Кочевье без кибиток

А сейчас я хочу немного рассказать про начало пятидесятых. Точно помню, что было начало лета. Я ездил с родственниками. Я легко нёс на плечах груз 70 килограмм. А ездили мы уже не лошадьми, а поездом и сдавали в багаж тяжёлые вещи. В Николаеве вода была на базаре по 20 копеек за стакан. Простая вода с ведра.

А Каховка... не дай Бог там бывать. Простых деревьев там не было, одни фруктовые. Абрикосы, чёрт их возьми. А под ними змеи – да так много, хоть гвал кричи²⁵. И ползают – и ползают! Мы спросили у ближних домов. Они говорят, что берегитесь змеи желтобус (примерно такое название). Она свернётся в кольцо и катит на тебя. Сбивает и кусает. Короче, делает что хочет. Бежать от неё надо навстречу солнца, тогда она тебя теряет из виду. Пошли мы на Днепр. Высокий берег – землистый. А змеи лежат на берегу как палки или прутья. Хотели купаться... В воде что делается! Они плавают – страшно туда лезть. Кое-как переночевали, а наутро решили на цыганском совете не оставаться в Каховке ни одного дня. Ушли мы на причал. Там плавали колёсные пароходы. Решили мы ехать в Одессу. Взяли билет на пароход «Шевченко». Днепр впадает в Чёрное море. И когда мы туда заплыли, то нас провожали дельфины. Все люди видели, как они выпрыгивают ввысь, и бросали им съедобное что. Потом мы увидели, что из воды торчат наши военные корабли. Кто проплывает мимо этого места – даёт гудки. И когда наш пароход поравнялся, он тоже дал гудок. Все мы сняли шапки и стояли, пока гудок не кончился. Так мы отдали дань памяти нашим погибшим морякам. И дельфины охраняли эти два военных корабля. Они отплыли от нашего парохода к затонувшему. А колёса по бокам крутятся лопастями. Только звук: чох-чо-чох...

На краю Одессы лиман. Озеро солёное. А на берегу песок и крабы большие. Пойдёшь купаться – они хватают за ноги.

Шатры на березу. Костры горят. Люди приходять купаться, смотрят:

- Ах, батюшки! Цыгане!
- И впрямь – настоящие!
- А язык у них интересный какой!
- И гадают. Ах, батюшки, гадают!

Вот и потянулись к нам люди из города и с ближней деревни. Она на горе стояла, а наши шатры в низине, где лиман-озеро. Приносили нам еду – всякую всячину. А девочки с пацанами знакомились и любили.

– Ах, какие ребятишки интересные. Даже лучше наших. И общительные. И уже целоваться умеют.

А сами так и обнимают нас, и целуют.

– Ах, как нам интересно и в шатре посидеть, и чай с вами выпить, и учить слова.

– Как хлеб по-вашему?

– Ну, по нашему – *маро*. *Дэ мангэ чаё и маро**...

А потом говорят:

– Как будет «Поцелуй меня»?

– *Чамудэ ман*.

Вот такие девочки были²⁶. Мы стояли там больше недели, и от молодёжи не было отбоя... Но там долго нельзя было жить. Не было пресной воды. Вода шла с Днепра через Чёрное море по трубам (или как там?). К колонке очередь. И за ведро воды надо платить. Но мы, цыганятки, и девочки цыганочки ходили прямо в насосную – где качали воду пресную. Девчонки стали гадать механику. Ну, он и давал нам воду с крана чистую. Мы вёдрами носили её к шатру.

А уж потом к нам подъехали цыгане-ловари²⁷. И мы вместе договорились, когда уезжать. И опять на вокзал. И поездом поехали в другой город.

Ну вот, год спомнил! Это лето 1951 года. А потом уже жили в городе Коростень Житомирской области. И как умер Сталин, весной – как степлено – все наши цыгане опять снялись и подались в леса. А ведь работали все на заводе «строй-деталь» шофёрами – три брата. Я ходил в третий класс в школу. Город был наполовину разбит, и цыгане нанима-

* Хлеб. Дай мне чаю и хлеба (*цыг.*).

лись на стройку разнорабочими. Дали нам длинный барак. Специально его построили для цыган. Говорили – временно...

Лето 1953 года

Но я хочу поговорить о том, как были выпущены заключённые из тюрьмы.

Мы ехали по Украине, поезд был пассажирский. И на одной остановке сели эти отпущенные по амисии²⁸. Старший среди них был высок и силён. Они распределили меж собой вагоны, кто куда сядет. А наша цыганская семья была не одна. Ехало где-то семь семей. Мы заметили этих людей ещё на перроне. Наши старшие мужчины сразу догадались, кто это. Они приказали женщинам закрыть лица, а девочкам разлохматить волосы и закутаться в платки, чтоб не бросаться в глаза.

Поезд проехал дальше, чем надо. Они побежали к вагонам. Кто выходил из поезда – брали что захотят из сумок. Молодым женщинам сразу задирали подол и приговаривали: «Не бойся, не бойся. Всё будет хорошо. Только не кричи. Это не поможет. Видишь, вон там милиция? Услышат нас с тобой – заберут и тебя и меня. Тогда ты уже домой не доедешь». И пока шло насилие, один держал тормоз поезда – ждал, пока приятели закончат. А женщина вскрикивала:

– Что ты делаешь? Меня же муж встречает на вокзале.

А он ей: «Так это хорошо, что встречает». И продолжает своё дело.

Но не все творили насиливание на перроне. Прочие вошли в вагон и быстро стали искать женщин и девушек. Шум, писк! Рот затыкают рукой. До нас добрались, присмотрелись.

– *Рома?*

– Да, *рома*.

Ихний старший приказал никого из табора не трогать. Такой видно у них был закон. Старший с нашими разговорился. Его человек тут же принёс водку и выпили за освобождение. Тут старая цыганка достала ещё две бутылки, купленные про запас. Стала расспрашивать:

– Сынок, скажи, как с вами наши сидели?

Их главный говорит:

– Ты, мать, извини, что ребята вот так в вагонах делают. Просто сидели они по ошибке. И цыгане тоже с нами сидели. Все мы были

одна семья. Так что не бойся. Не пострадает никто от наших ребятишек... Но и ты пойми. Сколько они терпели! Молодые ж ребята! Как только увидят женщину – сразу взрыв. Им не устоять от соблазна...

А тем временем насилие шло полным ходом. Женщины сначала ругались, но потом стало тише. Пожилых собрали в одно купе, а молодых уговаривали: «Всё будет хорошо!». А ведь у одних женщин мужья погибли на фронте, другие были замужем. Одна вначале приплакивала:

– Да что я ему скажу? Ой, что же будет?

А потом и ахнуть не успела, как стала приговаривать:

– Ох, милый, да что ты со мной делаешь? Я же... я же... с пузом буду.

Он ей в ответ: «Ну и что?». Сам задыхается.

Мы, пацаны, тихо подкрадёмся и смотрим, что делается... А поезд едет себе. На станциях двери закрыты. На перронах ни души. Останавливаются вагоны уже за вокзалом. Ведь машинисты знали уже, что едут отпущенные по авмисии после отсидки. Проводник запрятался, но остановку объявил:

– Кто выходит?

Бабка какая-то кричит:

– Ой, да ведь мне надо выходить!

Спешит к выходу. За ней и другие подтянулись. А девушкам выхода не давали, пока продолжалась эта чувствительность с пристрастием.

Цыгане по-прежнему разговаривали с их старшим. Тут подошли воры из других вагонов. Сказали, что никаких нарушений нет кроме любви, подсели к столу и выпили по сто грамм. А потом принесли закуску. Взяли у проводника водку и заплатили ему. Начался у них меж собой разговор. Один сказал:

– А ведь Берия наломал дров. Сколько посадил без следствия, чтобы насолить Сталину и возбудить против него народ.

Другой отвечает:

– Да Берия был завербован ещё до войны. А сейчас – сами видите – всех распустил в отместку будущим властям. Теперь они должны, чтобы успокоить страну, опять пересажать многих. Тогда и скажут: «Вот мы какой порядок навели – смотрите, тишина какая!».

Тут все засмеялись и опять выпили по сто граммов. Поезд опять набрал ход. Слышен был звук колёс и шумное дыхание. На нас,

пацанов, прикрикнули: «Не ходите туда! Вам ещё рано!» и мы присели на край сидения. *Рома* наши в разговор не вступали и в политику не лезли. А только спрашивали, что нужно было. Мол – едем в такой-то город, какие там базары? Они отвечают: «Мы скоро сойдём. Но через три дня будем на базаре. Там и встретимся. Обязательно пивка попьём – там есть хорошее пиво и наш приятель работает. У него и узнаем о барахловке и базаре. Если будете покупать лошадь, и денег не хватит, то мы сложимся и выучим. Мы ж знаем – у вас семьи большие».

Вскоре наш поезд подошёл к станции Ровно. Мы стали выходить из состава и наши новые знакомые (которые были после отсидки) помогли нам с вещами. Когда мы выгрузились, вокзал был закрыт, и вокруг не было видно ни души. Передавалось по линии, и все уже знали, кто едет – так что на станции никто не сел. Поезд тронулся. Изнутри был слышен визг девушек, и как на них прикрикивали...

После этого случая наши цыгане больше не ездили поездом, пока всё снова не стало мирно. Мы подались в Коростеньский район и зимовали в деревне. Уже оттуда я уехал в Ленинград. Сопровождал деда к дочери, которая жила в Нарве.

У дяди

И снова я оказался под Печорами. Жил я теперь на хуторе, в трёх-четырёх километрах от города – в стороне от сошейки²⁹. Хозяина хутора звали Лёшей. Фамилию его я не помню. У него свой дом был на выезде с левой стороны (продолговатый, с одной входной дверью в середине). И полдома он сдал нам. Жена у него была не то эстонка, не то латышка – светлая такая. И ещё девочка. Был он связан с немцами и после моего отъезда его забрали и дали 6 лет. Так я слышал потом от цыган. У меня там была родня. Дядя – Александр Козловский по прозвищу «Шляпа»³⁰. Мать его звали Вольгой³¹ Ивановной. Она была таборная цыганка с Украины. Серьги, бусы, широкие рукава, широкая юбка. Гадала даже очень хорошо. Природа ей дала что-то необыкновенное. Всё сбывалось! И люди к ней шли, потому что она правду говорила... Так вот эта цыганка рассказывала, что к ним в табор приходил сам Сталин,

будучи молодой. Ещё при царе – когда он был в бегах, и его искала охранка. Он ел картошку печёную с костра и пил чай цыганский³². Вольге было тогда лет 14.

Дядя Саша в 1945 году ездил в Латвии по заданию госбезопасности в разведку. Возил горшки глиняные, миски и жбаны. Узнавал, где находятся бендеры. Но это надо писать отдельно. Я слышал, что архив госбезопасности обнаружат или передадут. Если не уничтожили – то есть там и о дяде Саше. Он много сделал как разведчик. Он находил логова бендер. Ведь после войны от них было много убийств.

***

Но расскажу дальше о себе. Хоть я и мал был, но уважение ко мне было хорошее. Я тоже менял и продавал лошадей. Ярмарка была в субботу, а я на дорогу выезжал в пятницу и перенимал мужиков. Особо тех, которые на ярмарку ехали с Латвии и Эстонии. Помогал им продать или поменять лошадь. Или купить.

Зарабатывал я хорошо. Подводил к цыганам этих людей. То к семье Жуков³³. То к дяде. Тогда славились в менке братья Коля и Ваня по прозвищу Вовки.

Мог я тогда жениться на Варе, но побоялся её характера. Провёл у дяди сезон – и опять на Украину уехал. Вот тогда я уже стал как взрослый.

ФЗО

Потом, в 1954 году я по объявлению поехал в Таллин и поступил в ФЗО № 17, в строительную группу. Ещё я получил шофёрские права и ходил в драматическую секцию при театре. Руководил заслуженный артист Любаров. Он был очень красив: чёрный волос и белое лицо. Он всегда надеялся на меня. Я играл негра в пьесе «Белый ангел» и профессора Черных (врача в очках и белом халате). На сцене стояли койки и лежали больные лётчики, а я делал обход – проверял их здоровье. Мне клеили бороду и усы. А звук разговора делал другой.

Ну а дальше была пьеса с названием «В стороне». Там я играл главную роль Николки-весельчака – с гитарой и песнями на вече-

ринках перед девчонками. А уж потом был «Вишнёвый сад». Там мне давали роль на выбор. Но я не успел сыграть. Призвали в армию.

Занимался я тогда и музыкой. Играл в оркестре на домбре – солистом. Оперная народная артистка Эстонии Ольга Лунг проводила со мной занятия вокалом. Проверила и занималась несколько раз в месяц. Сказала, что я могу поступать в консерваторию на вокальное отделение. Я пел много. И итальянские песни, и русские народные, и цыганские, и романсы. Первой песней у меня была «Родина» со строками «Это русская сторонка, это родина моя».

Главное, что таборный цыган учился в ФЗО 17 и по окончании работал каменщиком. Строил в Таллине дома, стадион, кинотеатр «Сириус» и первую телевышку. Меня как лучшего каменщика включили в бригаду (6 человек и 2 мастера местных). Эта вышка и сейчас стоит. Кажется, не упала.

Я в 1955 году отбирал молодёжь на целинные земли. Я ведь был член комитета комсомола от республиканского строительного треста. В Москву наш комитет отбирал лучших мастеров на строительство стадиона в Лужниках. Вот видите. Я цыган, а сколько дел хороших совершил. Я ведь был старшиной группы ФЗО 17 из 42 человек. Меня не назначили, а выбрали на собрании все учащиеся. Я был смекалист, находчив, общителен. Меня уважали. В моей группе были малярки, счукатуры, слесаря и каменщики. Все съехались из разных городов России. Порядок я сделал как в армии, и увольнительные давал только на пять человек – а так было опасно ходить. Не знаешь, кто тебя пырнёт ножом. Едешь в трамвае – особенно когда народу много. Смотришь – уже лежит. Торнули ножом, и никто не знает, за что... В столовую мы ходили строем и туда, и обратно. А потом всех комсомольцев завербовала госбезопасность на вылавливание бендеров. Переодевались в беспризорников, бродили и выслеживали. Находили, где они бывают, где собираются. Это была тайная война с риском для жизни. Сосед у меня был в общежитии, слесарь. Дверь его комнаты была рядом, Приходит как-то расстроенный. Ушёл, говорит, на обед – а когда вернулся, его товарищ на земле лежит. В спине напротив сердца обрез металла от сварки. Уже не живой. Кто это мог сделать? Не видели, чтобы чужой заходил. И из эстонцев с ним никто не работал.

Много было таких убийств, вот и стали их вылавливать тайно... Они и сейчас там живут. По телевизору показывают, как они надевают свою форму и съезжают в Таллин. Значит, не всех их выловили. Было попустительство после войны. Но об этом надо писать отдельно³⁴.

А в 1955 году – кажется, в газете «Молодёжь Эстонии» я читал, как эстонские эсэсовцы расстреливали в Тарту евреев и цыган. Тех, кого поймали из этой команды – судили. И описан был случай, как везли на расстрел в крытой машине цыган и евреев. Никто не плакал и не умолял о помиловании. Только мальчик цыганский стал плясать и петь – кучерявый такой. Все просили оставить его в живых, но полицейный ни в какую не соглашался. Привезли их на поле, где сжигали трупы. Там их уже ждали с автоматами, и очереди скопили людей.

Я был в Тарту и видел места, где происходили расстрелы. Всё заросло. Но те, кто там жил, знали эти места, и никто на этой земле ничего не сажал.

Был у нас в ФЗО еврей – Вова Скороходов. Я никому не давал его обидеть. Он учил меня играть в шахматы, а уж потом я всех обыгрывал. Даже с первым разрядом.

Тогда я занимался и боксом. Тренер у меня был Линамяги. Он мне говорил: «С твоей силой надо быть чемпионом мира. Только брось курить».

Ну, я бросил.

А через месяц занятий на ринге я выступал за первенство «Трудовых резервов». Противник мой имел второй разряд – так я его чуть не убил. Уже в начале второго раунда его тренер выкинул полотно. И бой был остановлен. А ведь он весом был тяжелей. У меня вес был 52 килограмма, а у него 60. Эстонцы хотели, чтобы он мне поддал. Но они не знали, что я драчун был ещё со школы. Да и в жизни я любого веса не боялся. Я бил бы и бил бы – но отняли его от меня.

Армия

А я ведь рано стал инвалидом. В 27 лет получил первую группу. Я служил на химическом полигоне в Сталинградской области (стан-

ция Прудбой). Мы ночью работали на нём и ехали туда уже в защитных костюмах и противогазах. Работали с ОВ. Иприт, зоман, фосген. Это смертельные ОВ. И на своей коже люди делали опыты. Капнут на голое тело, и надо это обезвредить – стереть тампоном и ввести лекарство из бутылочки. Капнешь – и втираешь в кожу, чтобы оно догнало предыдущее ОВ и обезвредило его.

Однажды у товарища со стола упала бутылочка. Я быстро дал ему своё лекарство, чтобы оно успело по времени... Но секунды ушли. Пока нашёл себе заново, ОВ вошло в кровь. Сколько я ни тёр – а не догнал. Не обезвредил его до конца. И уже командир лейтенант узнал. Я лечился. Демобилизовали меня первым³⁵. А уже на гражданке пошли нарывы по коже. Стали мне делать переливания, уколы разные.

Но ничего особенно не помогало. Кожа лущилась белая. В больнице лежал год. Кололи в позвоночник. А говорить, что это с армии у меня – нельзя! Секрет! Лечили, будто это простуда – и всё. Дали первую группу. Учился сидеть, ходить. В общем, по-новому родился.

Я ведь ещё возил бункер, окованный внутри свинцом. Когда откроешь колпачок, то оттуда выходит опасное вещество. Им проверяли радиационные приборы. Если они исправны, то сразу зашкаливают до упора. Но один свинцовый передник был на двоих. И мы по очереди заражались радиацией, а ещё ездили на полигоны³⁶.

Вот так! А секреты я не выдавал. Они были внутри меня. И кровь была белая, заражённая. Так я выжил в молодости. Только не смог вернуться в Таллин, откуда меня призывали. А если бы я приехал с армии здоровый, как все солдаты, то поступил бы в драматический театр. Ведь я два года занимался в студии от театра, которой руководил Любаров.

И. Корсун – чемпион соединений Северо-Кавказского военного округа по штанге в наилегчайшем весе. 1957 г.

Я лечился в санатории. Часто ходил на вокзал, чтобы посидеть, отдохнуть. Ведь сил было мало. Несмотря на первую группу инвалидности, я пошёл на работу. Про меня знали, что я хороший шофёр. Сказали: «Ладно. Никакой комиссии и врачей. Бери машину. Завтра в рейс».

Снял я веранду в частном доме. И жизнь пошла. Работа. Халтура. Возил дрова. Хоть поднимать ничего и нельзя было, и на солнце находиться.

Стал я крепнуть. Часто купался, нырял. И болезнь отходила с работой. Никто мне не помогал. Я сам зарабатывал³⁷.

---

¹ Несоответствие реальной и официальной даты рождения – обычное дело в цыганской среде. Особого желания регистрировать детей у цыган не было. Часто паспортами и прочими документами их наделяли в момент очередной бюрократической кампании. При паспортизации безграмотные матери не могли точно вспомнить год рождения своих детей. А иногда и сознательно лукавили, чтобы после войны претендовать на продуктовый паёк. Известны случаи, когда расхождение между реальным и паспортным возрастом составляло 7 или даже 10 лет.

² Существует стереотип, что почти все цыгане, кроме артистов, были кочевыми. В реальности оседлый образ жизни был распространённым уже в царские времена. Значительное число оседлых цыган фиксировалось в Крыму, в Бессарабии, в Смоленской губернии. Цыганские посёлки существовали в Белоруссии. Кроме того, отдельные цыганские семьи обзаводились домами по всей стране. Конечно же, первоначально новые горожане предпочитали конную торговлю на ярмарках. Однако ещё до революции появились и фабричные рабочие. После 1917 г. процесс интеграции цыган стал проходить ещё более интенсивно. Цыганские журналы 1930-х годов «Романы зоря» и «Нэво дром» приводят множество фактов о цыганах, получивших новые профессии (работники почты, железнодорожники, учителя, юристы и т.д.). Таким образом, шофёр С.И. Консун не был исключением из правила.

- ³ И.С. Корсун передал в мой архив копию следующего документа:
«Министерство Внутренних дел Российской Федерации. Главный информационный центр. От 15.12.97 № 34/3-3765ж
На Ваше заявление сообщаем, что, по сведениям, полученным из УВД Магаданской области, Консун Сергей Иванович, 1912 г.р., урож. Киевской области, осужден 31.08.38 тройкой УНКВД БССР как социально-вредный элемент на 5 лет лишения свободы. Освобожден, 17.06.43 из мест лишения свободы Магаданской области. Сведениями о его дальнейшей судьбе не располагаем.
Одновременно разъясняем, что решение вопросов реабилитации входит в компетенцию органов прокуратуры по месту осуждения.
Начальник отделения Т.П. Селеверстова».
- ⁴ Сталинские репрессии затрагивали и цыган. Этой теме была посвящена публикация: *Бессонов Н.* Цыгане в России: принудительное оседание // Россия и её регионы в XX веке: территория–расселение–миграция. – М., 2005. – С. 631–640. В 1933 г. прошли депортации кочевых таборов, остановившихся на московских окраинах. 5470 цыган было отправлено в Сибирь (подобные высылки в более мелких масштабах практиковались и далее). Во время «большого террора» сотни цыган были расстреляны по политическим обвинениям, хотя к политике никакого отношения не имели. Разумеется, цыгане, имевшие крепкие деревенские хозяйства, подвергались раскулачиванию.
- ⁵ Иврите. В силу малограмотности И.С. Корсун называл еврейский язык «евритом» (соединяя слова «еврей» и «иврит»). Нет сомнений, что в действительности отец автора говорил на идиш.
- ⁶ Ещё в XVIII ст. многие цыгане вошли в мещанское и купеческое сословие. Сохранились сведения о цыганах, которые были членами купеческих гильдий и поставляли лошадей для нужд армии. К моменту Октябрьской революции было немало зажиточных цыган. Они занимались торговлей, содержали постоянные дворы, старались дать детям хорошее образование. Естественно, этот слой был уничтожен заодно с «эксплуататорами» коренной национальности. Впрочем, произошло это бескровно. Зажиточные цыгане избегали участия в гражданской войне и просто бросали всё нажитое, возвращаясь в традиционную среду. Их потомки вспоминали настроения времён революции поговоркой «отрежь полу и беги».
- ⁷ Цыганско-еврейские браки хотя и были редкостью, но всё же случались. Известный израильский публицист Б. Подольский вспоминает, что в 1950-х годах возле Новодевичьего монастыря в Москве стоял цыганский барак. Там проживала пожилая женщина. Она ходила в ярких цыганских юбках, но при этом чисто разговаривала на идиш. Оказалось, что это еврейка, вышедшая замуж за цыгана. У неё было много детей и внуков (*Подольский Б.* Евреи и цыгане: история одной судьбы // *Заметки по еврейской истории*: Интернет-журнал еврейской истории, традиции, культуры. – 2003. – 25 мар. – № 26 (<http://www.berkovich-zametki.com/Nomer26/Podolsky1.htm>)). Известен ещё один подобный

брак, выдержавший испытание временем. Цыганский автор Михаил Ильинский опубликовал в 1934 г. очерк «Юдыца» (еврейка). 28 июля 1932 г. писатель зашёл в табор, который расположился возле г. Могилёв. Он разговорился с пожилой женщиной, которая сидела у костра. В беседе выяснилось, что она не цыганка, а еврейка. К моменту беседы у неё был уже внук. Оказалось, что её родители погибли во время погрома в 1905 г., а сама она укрылась в таборе. Два года она кочевала вместе с цыганами, а потом вышла замуж за одного из них. Собеседница рассказала Ильинскому, что знает четыре языка и получила профессию провизора (*Ильинско М. Шатрытко яг. – М., 1934. – 56 с.*). Автору этих комментариев также известны случаи, когда еврейки входили в кочевые семьи. Одна из этих женщин перед свадьбой окончила институт и была по образованию агрономом.

⁸ См. примеч. 6.

⁹ Физическую.

¹⁰ Картина, которую видел шестилетний Ваня Корсун, вполне сообразуется с историческими данными. В отличие от т. н. «иностраных цыган» (*ловарей и кэлдэрагов*), «коренные» этногруппы проявили патриотизм. Мобилизация успешно прошла не только среди оседлых цыган, но и в кочевых таборах. Это не значит, что среди цыган не было дезертиров. Естественно, они имелись и в цыганской среде. Однако можно с уверенностью утверждать, что большинство кочевых цыган не стало прятаться от призыва. Сцена, описанная И. Корсуном, показывает мобилизацию, происходящую прямо на таборной стоянке. Возможность тихо скрыться в лесу у молодёжи была. Однако воспользоваться ею цыганские призывники не захотели.

В зеркале статистики это выглядит так. В 1944 г. была проведена операция всесоюзного масштаба по проверке кочевых таборов. Дороги 26 областей перекрыли заградотряды, которые останавливали телеги для обыска. Инструкция предписывала искать оружие, а заодно фиксировать количество мужчин, женщин и детей в каждом таборе. Что касается главной цели операции, то тут ее организаторов ждало разочарование. В 169 таборах нашлось всего 11 единиц огнестрельного оружия (в любой деревне прифронтовой полосы было припрятано больше). Но для нас важно, что была официально зафиксирована большая диспропорция между мужчинами и женщинами. Взрослых цыган оказалось 564, а цыганок – 855 (Государственный архив Российской Федерации (*далее – ГАРФ*), ф. Р–9478, оп. 1, д. 459, л. 13). Таким образом, многочисленные воспоминания кочевых цыган об уходе на фронт находят документальное подтверждение. Что касается цыганского фольклора, то в нём появилась поговорка о мобилизованном цыгане: «Хоть был поневоле солдат, а немцам Россию не предал» (*Хоть исыс пере неволя халадо, а бичибитконэн-гэ Россию на бикиндя*) (Язык цыганский весь в загадках: Народные афоризмы русских цыган из архива И.М. Андрониковой / Сост., подг. текстов, вступ. ст. и справ. аппарат С.В. Кучепатовой. – СПб., 2006 (*далее – Язык цыганский весь в загадках*). – С. 243).

¹¹ Во время оккупации цыгане подверглись геноциду. Истреблению подвергались как кочевые, так и оседлые семьи. Конкретные места массовых

- расстрелов см.: *Бессонов Н.* Геноцид цыган Украины в годы Великой Отечественной войны // Рома в Україні: Історичний та етнокультурний розвиток циган (рома) України (XVI–XX ст.). Матеріали Міжнародного круглого столу 3 листоп. 2006 р. – Донецьк, 2006. – С. 4–28.
- ¹² У цыган различных этногрупп разное отношение к нагоде. Если у бессарабских цыган или *котляров* считалось нормальным, что дети бегают голыми вплоть до 10-летнего возраста, то таборы, традиционно кочевавшие среди славян, отличались подчеркнутой стыдливостью. И взрослые, и дети у русских цыган или *сэрвов* купались в одежде.
- ¹³ Проверка по архивному фонду Чрезвычайной государственной комиссии по установлению злодеяний немецко-фашистских захватчиков (ЧГК) показала, что около г. Новоград-Волынский (на окраине, в полутора километрах от шоссе) дороги Новоград-Волынский – Житомир) были обнаружены ямы с трупами. Однако национальность жертв в актах эксгумации не значится (ГАРФ, ф. 7021, оп. 60, д. 305, л. 10).
- ¹⁴ В августе 1949 г. польский цыгановед Е. Фицовский собирал сведения у польских цыган, находившихся в годы войны на территории Украины. Для нас особый интерес представляют строки: «Из Барановки цыгане бежали из гетто, за ними немцы в погоню. Приехали эти цыгане к нам» (*Ficowski J.* *Syganie polscy.* – Warszawa, 1953. – S. 223). Возможно, здесь упомянут тот самый побег, в котором принимал участие маленький Ваня Корсун.
- ¹⁵ Ещё до войны кочевые цыгане имели бытовые столкновения с некоторыми сельскими хозяевами, особенно на Западной Украине. Очевидно, многие из этих людей, враждебных к цыганам, стали во время оккупации служить в местной вспомогательной полиции.
- ¹⁶ Нацистские каратели, уничтожая цыган, традиционно ссылались на то, что они – шпионы большевиков. Это объясняется немецкой историей (во время многовекового противостояния с мусульманами под Веной немцы привыкли рассматривать цыган как турецких шпионов). Командир действовавшей в Крыму эйнзатцгруппы D О. Олендорф именно этим мотивировал свою инициативу по расстрелу местных цыган. В республиках со славянским населением цыгане действительно помогали партизанам и Красной армии разведанными. Работая над Книгой памяти, я нашёл сведения о партизанских разведчиках на Смоленщине и в Белоруссии. Украинские цыгане также проявили героизм. Акулина Якубовна Марковская (в девичестве Корсун) добывала сведения о немецких гарнизонах. Две её подруги были схвачены во время задания и казнены. Виктору Гуденко (происходившему из украинских цыган-*сэрвов*) было к началу войны 10 лет. Родители его погибли, причём мать немец застрелил прямо на глазах мальчика. Витя сумел перейти линию фронта и стал сыном полка. Служил он в разведроте. Многократно ходил в тыл врага, переодевшись крестьянским мальчиком. Имел восемь боевых наград и был неоднократно ранен (*Николаенко В.* Син полку // *Романі Яг.* – 2004. – № 16 (100). – 13 жовт.). В разведотряде, действовавшем под Севастополем, общим

любимцем стал 10-летний цыганский мальчишка, которого мичман Ф. Волончук назвал «настоящим воином» (*Волончук Ф.Ф.* По тылам врага. – М., 1961. – С. 14). Таким образом, рассказ Ивана Корсуна о его товарищах-цыганятах, ходивших на разведку, посвящён достаточно распространённому явлению.

¹⁷ Это называется «цыганская почта».

¹⁸ Городской отдел народного образования.

¹⁹ Советская политика по отношению к цыганам традиционно включала такие направления, как помощь при переходе на оседлость и содействие образованию. Ещё до войны были созданы интернаты для цыганских детей и цыганские классы в школах. Факты унижения национального достоинства рассматривались как позорные. Хотя некоторые авторы подчёркивают безграмотность кочевых цыган, обычно упускают из виду, что отношение к образованию было диаметрально противоположным у разных этногрупп. Так, *влахи* и *кэлдэары* считали учёбу в школе излишней. Русские цыгане, *сэрвы* и *кишинёвцы*, напротив, часто использовали зимние месяцы для обучения детей. Как известно, холода цыгане переживали в съёмном жилье. На этот период мальчиков (а иногда даже и девочек) отдавали в местные школы. Кочевой цыган Ваня Корсун стал одним из таких учеников.

²⁰ Этим термином И. Корсун называл не только бойцов УПА, но и прибалтийских «лесных братьев».

²¹ В буквальном переводе «за чужаков» или «за нецыган».

²² *Кишинёвцы* – этногруппа цыган, проживавших в Украине и России. Этноним возник благодаря перекочёвке их таборов из окрестностей Кишинёва.

²³ Одна из самых популярных таборных плясовых. Название означает в переводе: «Ты, ветер».

²⁴ Антихрист.

²⁵ Караул кричи.

²⁶ Часто такие встречи кончались прочными браками. На данный момент мне известны десятки случаев, когда местные девушки (чаще всего имевшие хорошее образование) выходили замуж за кочевых цыган. Они учились готовить на костре, гадать и просить подавание. Им удавалось очень быстро приноровиться к таборному образу жизни.

²⁷ Цыгане венгерского происхождения.

²⁸ Амнистии.

²⁹ Шоссейки.

³⁰ По сведениям И.С. Корсуна, Александр Фёдорович Козловский был кочевым цыганом, лошадиником. Он был призван в армию, воевал, попал в плен. Потом бежал и после долгих скитаний по лесам вышел к своим. Из-за отсутствия документов и свидетелей был отправлен в штрафбат. Там его ранило в руку и в ногу (в то время это называлось «смыл свою вину кровью»). После войны жил на хуторе Сальск под городом Печоры и занимался меной лошадей.

³¹ Произношение «Вольга» вместо «Ольга» многократно встречалось публикатору в цыганской среде.

³² Здесь мы имеем дело с распространённым в цыганской среде сюжетом. Многие цыгане и цыганки рассказывали о том, как Сталин прятался в таборе от жандармов. Вполне вероятно, что за этим стояли какие-то реальные истории о скрывающихся революционерах. Цыганская традиция сочувствия к гонимым не позволяла отказывать гостю в помощи. Народные поговорки гласят:

«Сарэ мануша дэ таборо явэна, лаче и налаче, да романо законо припхэнэла лэн тэ прилэс» (Всеякие люди в табор приходят, хорошие и плохие, да цыганский закон велит их принять).

«Романы яг сарэнгэ биххэрэнгирэнгэ свэтинэла» (Цыганский костёр всем бесприютным светит).

«Бэнгэс и долэс да таборо прилэна...» (Чёрта и того в таборе приютят...)

(Язык цыганский весь в загадках. – С. 25–26).

Скорее всего, люди, которые отрекомендовались борцами с царизмом, спустя десятилетия были отождествлены со Сталиным. Легенда о том, что «вождь народов» испытывал личную благодарность к кочевым цыганам, была очень важна для группового мироощущения. Ситуация действительно выглядела парадоксальной. В стране, где все сферы жизни подвергались тотальному контролю, только цыганскому народу позволялось жить «своим умом». Не «тиран» Сталин, а «либерал» Хрущёв издал указ о принудительной оседлости. Пытаясь объяснить себе такую милость сталинского руководства, цыгане и создали легенду о таборном приключении вождя. Сюжет о том, что зарубежные правительства просили отдать цыган, а Сталин не согласился («Я лучшие цветы из своего сада не отдаю!»), до сих пор популярен в цыганской среде.

³³ У цыган до сих пор существует система двойных имён. Официальные паспортные данные используются при общении во «внешнем мире», а цыганское прозвище или название рода существуют для внутреннего пользования. Нередки ситуации, когда цыган не знает фамилию, указанную в паспорте его давнего друга.

³⁴ Телевизионные сюжеты о том, что в Латвии и Эстонии бывшим эсэсовцам оказываются почести (при одновременном шельмовании советских ветеранов), глубоко ранили И. Корсуна. Я хорошо помню эти разговоры и храню в своём архиве несколько писем с возмущением по поводу чествования прибалтийских эсэсовцев. Все эти записи повторяют в разных вариантах приведённые здесь тезисы, поэтому я не считал нужным их дублировать. На первый взгляд может показаться, что автор смешивает такие разные явления, как прибалтийские дивизии СС и «лесных братьев». Это кажущееся противоречие. Из разговоров с И. Корсуном я знаю, что он осознавал политические различия. Однако ему было известно, что зачастую бывшие эсэсовцы становились после войны участниками антисоветского вооружённого сопротивления. Идеология национализма диктовала им на разных этапах использование

различных способов борьбы. Вместе с тем И. Корсун не распространял неприятие к ним на эстонский и латышский народы в целом. Благодарность к тем, кто обучал его различным видам профессиональной деятельности, он пронес до конца своих дней.

- ³⁵ Испытание ОВ на военнослужащих долго было советским секретом. Однако в последние годы появились публикации, посвящённые этой теме. В частности, о такой практике в довоенный период см: *Воронов В.* Последний довод Сатаны: К истории химического оружия в России, 1916–1941 годы // *Индекс/Досье на цензуру*. – 2000. – № 12. – С. 259–274. В послевоенный период подписку о неразглашении брали с участников ядерных испытаний на Тоцком полигоне. Солдат И. Корсун стал одной из жертв этой практики.
- ³⁶ Служба шофёром на химическом полигоне подтверждается справкой, выданной И. Корсуну в 1959 г., а также армейскими фотографиями.
- ³⁷ В бумагах, доступных ныне для публикации, имеются воспоминания о последних годах жизни И. Корсуна. Однако период артистической деятельности он описать не успел.

*Вступление, публикация и примечания
Николая Бессонова.*